

С Е Р И Я
И С С Л Е Д О В А Н И Я
К У Л Ь Т У Р Ы

L'ATLANTIDE

*Petite histoire d'un
mythe platonicien*

PIERRE VIDAL-NAQUET

Belles Lettres

PARIS, 2005

АТЛАНТИДА

Краткая история платоновского мифа

ПЬЕР ВИДАЛЬ-НАКЕ

Перевод с английского
АНДРЕЯ ЛАЗАРЕВА

*Издательский дом
Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2012

УДК 82-343
ББК 82.3
В42

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Научный редактор
МИХАИЛ МАЯЦКИЙ

Видаль-Наке, П.

В42 Атлантида: краткая история платоновского мифа [Текст] / пер. с фр., подстрочные примеч. А. Лазарева; ст. Ю. Литвиненко; послесл. М. Маяцкого; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 208 с. — (Исследования культуры). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0840-4 (в пер.).

Рассказанная Платоном в «Тимее» и «Критии» история о великолепной и бесследно поглощенной пучиной цивилизации на многие века поразила воображение европейцев. Пока филологи спорили о мотивах и смысле платоновского мифа, политики, авантюристы и мечтатели всячески пытались найти для сказки реальную почву.

Известный французский исследователь античности Пьер Видаль-Наке прослеживает в своей книге разнообразные попытки идеологической и геополитической инструментализации платоновского мифа. Российский коллега автора Юрий Литвиненко дополнил книгу главой об идейных судьбах Атлантиды в России.

Книга адресована широкому кругу читателей, всем интересующимся античностью и ее рецепцией.

УДК 82-343
ББК 82.3

ISBN 978-5-7598-0840-4 (рус.)
ISBN-10 2-251-38071-X (фр.)
ISBN-13 978-2-251-38071-1 (фр.)

© Editions des Belles Lettres, Paris 2005
© Литвиненко Ю. Н., статья, 2008
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
I. В НАЧАЛЕ БЫЛ ПЛАТОН	20
II. АНТИЧНЫЕ АТЛАНТИДЫ	43
III. ВОЗВРАЩЕНИЕ АТЛАНТОВ. 1485–1710 ГОДЫ	64
IV. АТЛАНТИДА И ПРОСВЕЩЕНИЕ. 1680–1786 ГОДЫ	83
V. ВЕЛИКИЙ ПОВОРОТ. 1786–1841 ГОДЫ	104
VI. НАЦИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ ЛИБО ОТКРЫТОЙ, ЛИБО ЗАКРЫТОЙ	122
VII. ИНТЕРЛЮДИЯ: НОТЫ БЕЗ МУЗЫКИ	139
VIII. ВОДА, ЗЕМЛЯ И ГРЕЗЫ	147
ПРИЛОЖЕНИЕ	157
ПРОПАВШИЙ КОНТИНЕНТ	159
АТЛАНТИДА	167
Ю.Н. ЛИТВИНЕНКО. «РУССКАЯ АТЛАНТИДА». К ИСТОРИИ ОДНОГО ПЛАТОНОВСКОГО МИФА	172
ПОСЛЕСЛОВИЕ	205

Русское издание книги
посвящается памяти
Юрия Николаевича Литвиненко

Предисловие

Эта маленькая книжечка росла внутри меня почти полстолетия. В 1953 году перед комиссией во главе с Анри-Иренеом Марру я защитил диссертацию для получения диплома о высшем образовании (как сказали бы сейчас — магистерскую диссертацию) о «платоновской концепции истории». Это была работа скорее по истории философии, чем по истории в традиционном смысле. Хотя ради нее мне пришлось впервые полностью прочесть всего Платона, Атлантиде в ней уделялось немного места. Шесть лет спустя, в 1959 году, Рэмон Вейль опубликовал «Археологию Платона»¹, в которой поставил вопрос об источниках «исторических» рассказов Платона прежде всего из III книги «Законов». Ответ самого Вейля состоял в том, что речь идет о своего рода пастише, то есть пародии на ту науку, какую практиковали великие греческие историки Геродот и Фукидид.

В 1955–1956 годах, будучи молодым преподавателем лицея Потье в Орлеане, я ходил на занятия к Фернану Роберу (Fernand Robert), профессору греческого языка в Сорбонне. Тогда он излагал — причем, к его чести будет сказано, не стараясь скрыть своих колебаний — «критскую» версию. В самом деле, разве цивилизация Атлантиды, с тем огромным значением, которое в ней придавалось жертвоприношениям быков, с ее невероятной роскошью и монументальными архитектурными ансамблями не напоминает блистательную минойскую цивилизацию? Однако сразу возникает возражение: откуда Платон мог знать о критской культуре, исчезнувшей за тысячу лет до него? Конечно, Фукидид представил Миноса изобретателем талассократии, но не упомянул (и не без причин) ни богатство

¹ Weil R. L'«Archéologie» de Platon. Paris, 1959.

владык Кносса, ни золото, ни тем более неизвестный металл, орихалк (сплав меди с цинком). Мне лично представляется, что вопреки Фукидиду минойская талассократия была многим обязана... талассократии афинской, возникшей позже во время войн с Персией и расцветшей после них.

Атлантида тоже была талассократией, порождением союза Посейдона с нимфой Клейто, которая подарила богу пять пар близнецов, ставших десятью первыми царями Атлантиды. Раздел земли и моря между богами прошел без ссор (*ou kat'erin*) и Платон добавляет: «...ведь неправильно было бы вообразить, будто боги не знают, что подобает каждому из них, или будто они способны, зная, что какая-либо вещь должна принадлежать другому, все же затевать об этой вещи распрю»².

Этим критическим замечанием Платон указывает на афинскую традицию, с которой был хорошо знаком, тем более что она представлена на западном фронте Парфенона работы Фидия и Иктина³. Платон высмеивает эту традицию в иронической надгробной речи в «Менексене»: «Земля наша достойна хвалы от всех людей, не только от нас самих, по многим разнообразным причинам, но прежде и больше всего потому, что ее любят боги. Свидетельство этих наших слов — раздор (*eris*) и решение (*krisis*) богов, оспаривавших ее друг у друга»⁴.

При описании раздела власти в «Критии» Платона интересуют только Афины, которыми владеют, с одной стороны, Афина и Гефест, боги мудрости и ремесла, а с другой — Посейдон, «сотрясатель земли» гомеровско-

² Критий, 109b. [Пер. С.С. Аверинцева по изданию: Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994. Далее «Критий» цитируется по этому изданию. Здесь и далее в квадратных скобках примечания переводчика.]

³ [На западном фронте Парфенона изображен спор Афины и Посейдона за обладание Аттикой.]

⁴ Менексен, 237c. [Пер. С. Я. Шейнман-Топштейн по изданию: Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1990. Далее «Менексен» цитируется по этому изданию.]

го мира и по преимуществу морской бог. Но если этот раздел власти прошел «без ссор», то в прологе «Тимея» и в «Критии» вообще не упоминается о битве *детей Афины*, как их называет Николь Лоро⁵, с потомками Посейдона, воистину талассократами.

Пока мне постепенно прояснялась структура этой книги, произошло несколько важных интеллектуальных встреч: я познакомился с Пьером Левеком (Pierre Lévêque), археологом и историком Греции, недавно ушедшим от нас, и с Жаном Боллаком (Jean Bollack) и Хайнцем Визманном (Heinz Wismann), основавшими в Лилле Центр исследования греческой мысли, который мне порой хочется сравнить со Студийским монастырем акимитов в Константинополе. Акимиты — это буквально «неспящие», в том смысле, что в монастыре всегда, в любой час дня и ночи, должны были возноситься к небу молитвы.

Из сотрудничества с Левеком родилась книга «Клисфен-афинянин»⁶, где впервые было обрисовано столкновение между демократическими имперскими Афинами, которые Платон недолюбливал, и Афинами, идеальная модель которых была очерчена в «Государстве», а затем приближена к реальности в «Законах». Это столкновение лежит в основе моей трактовки Атлантиды по диалогам «Тимей» и «Критий». Конечно, я отдаю себе отчет в том, что Атлантида в «Критии» не была в полном смысле демократической. Но, как мы увидим в главе I этой книги, в глазах Платона афинская демократия и персидская империя представляли собой две модели, в равной степени подверженные опасности вырождения.

Моя интерпретация — верна она или нет — стала темой сообщения на заседании Ассоциации по разви-

⁵ *Loraux N.* Les enfants d'Athéna: idées athéniennes sur la citoyenneté et la division des sexes. Paris, 1981.

⁶ *Lévêque P., Vidal-Nacquet P.* Clissthène l'Athénien. Paris, 1964 (переиздания 1983, 1992).

тию исследований Древней Греции, опубликованного в виде статьи⁷, а затем перепечатанного в моей книге «Черный охотник»⁸. Безусловно, эта интерпретация радикальным образом исключает любую возможность существования Атлантиды как реального острова и государства посреди океана, до сих пор носящего ее имя. «Что ж, я желаю вам удачи среди эллинистов», — написал мне Жорж Дюмезиль (Georges Dumézil).

Параллельно со мной этой проблемой занимались и другие исследователи, некоторые из них знали о моих наблюдениях, другие работали автономно. В первую очередь это касается Кристофера Джилла из Уэльса, открыто ссылающегося на мой анализ⁹, а также Дж. В. Люса из Ирландии¹⁰. Большой вклад в исследование внесли участники моего семинара в Школе высших гуманитарных исследований, развивавшие ту или иную мою гипотезу. Особенно следует отметить Йеспера Свенбро, который познакомил меня с «готи-

⁷ Vidal-Nacquet P. Athènes et l'Atlantide. Structure et statut d'un mythe platonicien // *Revue des études grecques*. 1964. Vol. 77.

⁸ Vidal-Nacquet P. Le Chasseur noir: formes de pensées et formes de société dans le monde grec. Paris, 1981. [Русский перевод: Видаль-Наке П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в древнегреческом мире / под общ. ред. С. Карпюка; пер. А. Иванчика, Ю. Литвиненко, Е. Ляпустиной; предисл. Ю. Литвиненко. М.: Ладомир, 2001.]

⁹ Gill Ch. The origin of the Atlantis myth // *Trivium*. 1977. Vol. 11; The genre of the Atlantis story // *Classical Philology*. 1977. Vol. 72; Plato and politics: Critias and the Politicus // *Phronesis*. 1979. Vol. 24. Также см. комментированное издание текстов: Gill Ch. Plato: the Atlantis story. Bristol, 1980. Сильно уступает этому анализ тех же текстов в издании: Pischel B. Die Atlantische Lehre. Frankfurt a.M., 1980.

¹⁰ Luce J. V. The source and literary form of Plato's Atlantis narrative // *Atlantis. Fact or fiction?* / E. Ramage (ed.). Bloomington, 1978. См. также: Mosconi G. L'Atlantide di Platone: spazio e tempo di un'utopia letteraria, приложение к книге, переведенной с русского: Rezanov I.A. Atlantide tra realtà e fantasia. Bolsena, 2002. [Исходное русское издание: Резанов И.А. Атлантида: фантазия или реальность? М.: Наука, 1975.]

ческой» идеологией Олафа Рудбека¹¹, и Мари-Лоранс Декло¹².

С еще одним участником семинара, Люком Бриссоном, крепким лесорубом из Квебека, у нас были горячие споры, и порой мне приходилось капитулировать¹³. Несколько раз мы встречались в диссертационном совете, например, при защите работ Мари-Лоранс Декло или Аниссы Кастель-Бушуши, сделавшей на коллоквиуме в Серизи важный доклад о сравнительном исследовании платоновских текстов¹⁴.

Среди тех, кому я помог нащупать верный путь, даже не встретившись с ними лично, можно указать Жана-Франсуа Прадо, написавшего книгу «Мир политики. Об атлантическом рассказе Платона»¹⁵. Расхождения между нами самые незначительные. Правда, название мне не нравится. Я сказал бы скорее: «Мир анти-политики». Платон проклинал все достижения афинских граждан, за исключением военных подвигов¹⁶. Древние афиняне из пролога к «Тимею» и в «Критии» заняты войной, ими прелят не они сами, не политики, но боги.

¹¹ *Svenbro J. L'Ideologie gothisante et l'Atlantica d'Olof Rudbeck // Quaderni di Storia. 1980. No. 11.*

¹² *Desclos M.-L. Aux marges des dialogues de Platon. Essai d'histoire anthtopologique de la philosophie ancienne. Grenoble: J. Millon, 2003.* В издании указан список весьма ценных работ этого автора.

¹³ Его первой статьей была: *Brisson L. De la philosophie politique à l'éropée, le 'Critias' de Platon // Revue de Métaphysique et de Morale. 1970. No. 75.* Обсуждение наших дебатов см. в главе I данной книги.

¹⁴ В данной книге я во многом опираюсь на материалы этого коллоквиума: *Atlantides imaginaires. Réécritures d'un mythe / Sous la dir. de Ch. Fouquier et L. Guillaud. Paris, 2004.* В данном случае речь идет о тексте: *Castel-Bouchouchi A. Trois lieux mythiques dans les Dialogues de Platon: Kallipolis, la cité des Magnètes et l'Atlantide.*

¹⁵ *Pradeau J.-Fr. Le Monde de la Politique. Sur le récit atlante de Platon. Sankt Augustin, 1997.*

¹⁶ Об этом см. в посмертном издании книги Корнелиуса Кастиориадиса: *Castoriadis C. Sur le Politique de Platon. Paris, 1999.*

Конечно, приятно, когда тебя цитируют, но и помимо этого, как мне было не порадоваться, читая в прекрасной книге Ричарда Эллиса «Воображая Атлантиду»: «Разве нельзя представить себе, что Платон писал историю Атлантиды как метафору гибели Афин времен Перикла?»¹⁷. С другой стороны, как не рассмеяться — или не заплакать — при чтении «серьезного» труда, в котором со ссылкой на «серьезный» журнал утверждается, что Платон плохо понял записи Солона. Ведь тот написал, что остров Атлантида «находится между» (*meson*) Ливией и Азией, а вовсе не «больше» (*meizôn*) их обеих. После чего наш серьезный автор исправляет и Солона, говоря, что тот в свою очередь недопонял египетские источники!¹⁸ Если уж кто решил быть реалистом...

По моему мнению, есть два труда, которые доминируют в области исследований истории мифа об Атлантиде. Первый — это обширная диссертация, которую под названием «Литературный миф об Атлантиде» в 1996 году защитила Шанталь Фукрие¹⁹; я узнал об этой работе лишь весной 2002 года. В этой диссертации учтены мои результаты, но у нас есть вполне естественное различие в методах: Шанталь изучала миф в литературе, а я размышлял о мифе в истории. Но при этом мы движемся в одном направлении.

Другое сочинение, о котором я упоминаю в главе VI данной книги в связи с Жюлем Верном, — «Синдром Атлантиды» английского историка и археолога Пола

¹⁷ Ellis R. *Imagining Atlantis*. N.Y., 1998. P. 230.

¹⁸ Эта «серьезная» книга: *Young Forsyth Ph. Atlantis, the making of myth*. Montreal, 1980. P. 161. «Серьезный» журнал: «Greece and Rome», где опубликована статья: *Andrews P.B.S. Larger than Africa and Asia? // Greece and Rome*. 1967. Vol. 14. No. 1. P. 76–79.

¹⁹ *Foucrier Ch. Le Mythe littéraire de l'Atlantide*. Диссертация защищена в университете Paris-IV, научный руководитель — Pierre Brunel. Сама диссертация (800 страниц) рассматривала историю мифа от Платона до 1939 года. Сокращенная версия была опубликована под названием: *Le mythe littéraire de l'Atlantide (1800–1939). L'origine et la fin*. Grenoble, 2004.

Джордана²⁰. Использование термина, заимствованного из словаря медиков, «синдром», вполне оправданно. Безусловно, речь идет о хронической болезни с рецидивами. Мне самому хотелось бы написать такую книгу. Конечно, в ней есть ряд пропусков. Например, нет ссылок на Козьму Индикоплова, византийского автора, о котором рассказывается ниже, во II главе, но такие же пропуски встречаются у меня, и поэтому наши книги прекрасно дополняют друг друга.

Со своей стороны, после изучения платоновского текста я заинтересовался тем, как его толковали в древней, средневековой и новой истории²¹. Результаты этого исследования и представлены на суд читателей в данной книге. В первую очередь речь идет о сопоставлении мифа об Атлантиде — этой антиистории — с различными формами национализма, сменявшими друг друга на протяжении европейской и американской истории. Далее следует рассказ о встрече двух мифов, платоновского и еще одного, причастного к реальной истории крепости Масада (по рассказу Иосифа Флавия). Наконец, участники коллоквиума в Серизи в июле 2002 года любезно попросили меня написать предисловие к сборнику их работ, и оно тоже выросло в главу данной книги.

Несмотря на все усилия, предпринимаемые мной и двумя моими коллегами-скептиками, рассуждаю-

²⁰ Jordan P. Atlantis Syndrome. Sutton, 2001. Было бы несправедливым забыть, что после Тома-Анри Мартена (Thomas-Henri Martin), о котором рассказывается в главе I, первым историю мифа прекрасно изложил Лион Спраг-де-Кам в книге: *Sprague de Camp L. Lost continents: the Atlantis theme in history*. N.Y., 1954 (переиздана в 1970 году).

²¹ Вот список работ в хронологическом порядке: Hérodote et l'Atlantide, entre les Grecs et les Juifs. *Réflexions sur l'historiographie du siècle des Lumières // Quaderni di Storia*. 1982. No. 16, перепечатано в: *Les Grecs, les historiens, la démocratie*. Paris, 2000; *L'Atlantide et les nations // Représentations de l'origine*. Littérature, Histoire, Civilisation. Cahiers CRLH-CIRAOI. 1987. No. 4; перепечатано в: *La Démocratie grecque vue d'ailleurs*. Paris, 1990 et 1996; *De l'Atlantide à Masada. Réflexions sur querelle, mythe, histoire et politique // Sigila*. 2002. No. 10; *Atlantides imaginaires*. Op. cit. 2004.

щими почти так же, как я, ничто не может помешать появлению новых «реалистических» интерпретаций мифа об Атлантиде. Я перечислю лишь некоторые из них, отбросив случаи очевидного жульничества или банальной коммерции.

Геолог из Экс-ан-Прованса Жак Коллина-Жирар энергично выступает за то, что воображение Платона мог вдохновить архипелаг к западу от Гибралтарского пролива, состоявший из острова размером 14 на 5 км и других более мелких островков, который исчез во время последнего великого обледенения. Все это совершенно согласуется с Платоном, стоит лишь забыть о его указаниях на величину и необычайное богатство острова²². На таких условиях Атлантиду можно поместить даже в пруд Люксембургского сада.

Были и другие аргументированные теории. Многие из них я разберу в последующих главах этой книги. А здесь представлю лишь те, что вызвали определенный резонанс.

Эберхард Цанггер, геoarхеолог, живший в Цюрихе, а ныне преподающий в Кембридже на факультете наук о Земле, опубликовал книгу «Потоп с небес», которую одобрил и даже снабдил своим предисловием известный археолог Энтони Снодграсс (Anthony Snodgrass), мой друг и коллега²³.

В этой прекрасно написанной книге нет ошибок. Например, совершенно верно, и это давно подмечено, что остров феаков из «Одиссеи» придал некоторые свои черты платоновской Атлантиде. Но из этого можно заключить только то, что Платон жил через несколько столетий после Гомера. Главная идея Цанггера — свести Атлантиду к Трое — кое в чем тоже правильна, если говорить о гомеровской Трое, о которой Платон читал в

²² Collina-Girard J. L'Atlantide devant le detroit de Gibraltar? Mythe et géologie // Compte rendus de l'Académie des Sciences de Paris, Sciences de la Terre et des Planètes. 2001. Т. 333; автор отстаивал этот тезис на коллоквиуме в Серизи.

²³ Zangger E. The flood from heaven. Deciphering the Atlantis legend. N.Y., 1992. Цанггер дважды ссылается на мою статью 1964 года.

«Илиаде», но эта идея становится совершенно нелепой, если сравнивать Атлантиду с исторической и археологической Троей, которую Шлиман, Дёрпфельд и Блеген обнаружили в холме Гиссарлык. Ведь Платон, не будучи археологом, мог знать о Трое только от Гомера.

Одно дело заметить, как это делает Цанггер вслед за Кристофером Джиллом, что стиль Платона «очень похож на стиль историков»²⁴, а другое дело — смешивать пародию на Геродота с самим Геродотом или Фукидидом²⁵. Платон был чудесным пародистом, что доказывают «Менексен» и «Федр», но он не был настоящим историком. Троянская Атлантида — изобретение Цанггера. Существует еще одна сложность: Троию осаждали и завоевали ахейцы. Как сказал Питер Джеймс, «Атлантида, не утонувшая в море, не Атлантида»²⁶.

Остается рассмотреть две гипотезы, которые весьма популярны в области «серьезных» изысканий на тему месторасположения острова, чью историю придумал Платон. Речь идет о части минойского Крита, которую в 1900 году открыл Артур Эванс и которую потом изучали британская, французская, итальянская, немецкая и греческая школы археологии. Летом 1963 года я также участвовал в раскопках Мальи, куда меня пригласил Анри ван Эффентерре (Henri Van Effenterre), у которого я работал ассистентом в Каене. Однако я не припомню, чтобы тема Атлантиды тогда поднималась. К счастью.

Благодаря случайности мы можем очень точно датировать появление минойской гипотезы: анонимное

²⁴ Op. cit. P. 227.

²⁵ Фукидид упоминает (3, 89) наводнение, которое разрушило часть острова Аталант у берегов Опунтской Локриды, где находился афинский форт, в начале Пелопонесской войны. Не исключено, что название этого острова нашло отзвук в мыслях Платона.

²⁶ James P. Centuries of darkness. 1921. Я не смог ознакомиться с этой книгой и цитирую ее по изданию: Ellis R. Imagining Atlantis. P. 93. Джеймс также приводит фразу Л. Спрага-де-Кама: «Изменять все детали платоновской истории и делать вид, что это по-прежнему рассказ Платона, — все равно, что утверждать, будто легендарный король Артур на самом деле царица Клеопатра» (Sprague de Camp L. Lost continents. P. 80).

письмо, озаглавленное «Пропавший континент», было опубликовано на 10-й странице лондонской «Times» 19 февраля 1909 года (см. Приложение). Четыре года спустя авторство письма в ученой статье признал К.Т. Фрост²⁷. Тогда он преподавал в Университете Белфаста. Фрост не был единственным, кто искал — и нашел — Атлантиду в Греции. Автор статьи «Обретенная Атлантида», поместивший ее на озере Копайда в Беотии, оставил такую обезоруживающую ремарку: «Самая большая проблема состоит в том, что Атлантида Платона находится далеко на западе, тогда как Копайда расположена в центре Греции»²⁸.

Это было только начало. Другая греческая гипотеза, ради которой было пролито много чернил, в том числе и патриотических, помещала Атлантиду на остров Санторин (Фера). Ее выдвинул греческий археолог Спиридон Маринатос (Spyridon Marinatos, 1901–1974), эта гипотеза вдохновляла также французского мореплавателя Жака-Ива Кусто²⁹. Обе гипотезы представляют собой одну в том смысле, что для некоторых ученых именно извержение вулкана Санторин стало причиной гибели минойской цивилизации — событие, которое, согласно археологам, датируется приблизительно серединой II тысячелетия до н.э.³⁰

²⁷ Frost K.T. The 'Critias' and Minoian Crete // Journal of Hellenic Studies. 1913. Vol. 33.

²⁸ Scranton R. Lost Atlantis found again? // Archeology. 1949. Vol. 2. P. 159–162.

²⁹ В своей блистательной книге «Воображая Атлантиду» Р. Эллис посвящает одну главу Криту минойского периода и две другие — извержению вулкана Санторин. Для большинства авторов эти две гипотезы сливаются в одну. Среди романизированных рассказов, вызвавших наиболее сильный отклик у читателей: Mavor J. Voyage to Atlantis. London, 1969; Cousteau J.-Y., Piccalet Y. À la recherche de l'Atlantide. Paris, 1981; Casteleden R. Atlantis destroyed. London, N.Y., 1998; Rezanov I. выше цитированное сочинение; в целом я присоединяюсь к мнению Р. Эллиса и Дж. Москони.

³⁰ См. сокрушительную критику книги Мавора: Finley M. Atlantis or Bust // New York Review of Books. 1969. 22 May.

Начиная с 1939 года в журнале «Antiquity» Маринатос развивал гипотезу о разрушении минойской цивилизации в результате гигантского извержения вулкана Санторин. В 1950 году в греческом журнале «Kritika Chronika» он опубликовал статью, переведенную затем на английский³¹. В ней предполагалось, что легенда об Атлантиде была подсказана взрывом на Санторине, случившимся уже после того, как Платон вернулся из Египта.

Конечно, датировка здесь явно не платоновская, ведь, согласно ей, это событие произошло за 9000 лет до Солона, но в данной области позволены любые вольности. В 1967 году Маринатос начал раскопки на мысе Акротири на Санторине, которые он вел до своей смерти на рабочем месте в 1974 году. Он открыл величественный город минойского типа, который называют «Помпеями бронзового века»³². Он был великим патриотом. Но стоит ли говорить о том, что, не взирая на значительные массы пемзы, далеко (вплоть до Палестины) разбросанные вулканом Санторин, я не считаю возможным смешивать выдумку Платона и реальный город на Санторине, который Платон якобы чудесным образом спроецировал на Атлантиду?

А теперь, за отсутствием археологической Атлантиды, мы попробуем проследить историю мифа, созданного Платоном по возвращении в Афины. Кстати, в этом городе действительно есть Музей Атлантиды, который расположен далеко от центра современной столицы; однако в 2002 году, когда я пробовал его посетить, оказалось, что он постоянно закрыт³³.

Фаянс, июль 2003 — сентябрь 2004 года

³¹ Some words about the legend of Atlantis. Musee d'Athènes, 1969.

³² Ellis R. Op. cit. P. 83. Само выражение принадлежит греческому археологу А. Галанопулосу (Galanopoulos).

³³ [С историей этого музея — на сегодняшний день виртуального — можно познакомиться на его сайте: www.atlantida.gr/eng/enghistory.htm].

I. В начале был Платон

Зачем давать такое название первой главе? Очень просто: прежде чем понять, что сделали со словами Платона, надо понять, что именно он говорил. Я вполне предвижу возможные возражения. Если сегодня можно понять, что *хотел* сказать Платон в прологе к диалогу «Тимей» (17а–27б) и в диалоге «Критий», обрывающемся в тот момент, когда Зевс предлагает собранию богов разрушить великий остров, вся последующая часть этой истории становится абсурдом. Конечно, сам я так не думаю: история состоит не только из триумфов человеческого духа, но и из его ошибок, из тупиков, в которые он попадал и продолжает попадать.

В 1841 году в своих знаменитых «Исследованиях о “Тимее” Платона», заложивших основы научного изучения самого сложного диалога основателя Академии, Тома-Анри Мартен, ученик Виктора Кузена (Victor Cousin), опубликовал пространное «Рассуждение об Атлантиде»¹, где разобрал все гипотезы, выдвинутые разными учеными и полуучеными по поводу местонахождения исчезнувшего острова. Как в начале этой работы, так и на последней странице он выражается предельно ясно: «По моему мнению, Атлантида не имеет отношения ни к истории событий, ни к реальной географии; но, если я не ошибаюсь, благодаря ей была написана весьма любопытная глава в истории не менее интересной и не менее познавательной — истории человеческих мнений», — и заключает: Атлантиду «пытались найти в Новом Свете. Нет, она принадлежит к другому миру, располагающемуся не в пространстве, а исключительно в мыслях». Нельзя сказать вернее! И я считаю, что давно пора оставить

¹ *Martin Th.-H. Dissertation sur l'Atlantide // Études sur le 'Timée' de Platon. Paris, 1841.*

историю этих вымыслов именно там, куда ее определил Мартен, «первый (но не последний) человек, который кажется трезвым после стольких пьяниц», как написал мне современный философ и блистательный исследователь Аристотеля Жак Бруншвиц, перефразировав высказывание Стагирита об Анаксагоре («Метафизика», А 984b15–18).

Итак, два диалога или даже два фрагмента. «Тимей» — диалог в строгом смысле слова, где платоновская физика излагается от лица Тимея из Локр, персонажа, о котором известно лишь то, что рассказывается в этом же диалоге: «Вот перед нами Тимей; будучи гражданином государства со столь прекрасными законами, как Локры Италийские, и не уступая никому из тамошних уроженцев по богатству и родовитости, он достиг высших должностей и почестей, какие только может предложить ему город, но в то же время поднялся, как мне кажется, и на самую вершину философии»². Все источники, представляющие Тимея пифагорейцем, появились после Платона и черпали вдохновение в этом диалоге. Историческое существование Тимея ничем не доказано, хотя оно вполне допустимо.

Однако не он, а Критий услышал от своего девяностолетнего деда и тезки, тоже Крития, пересказ мифа, изложенного Солоном со слов жрецов богини Нейт (египетское имя Афины), которые она еще раньше молвила афинскому законодателю. Попытки датировать момент, когда происходит описанная в «Тимее» беседа, лишены смысла. Гермokrat, объявляемый ведущим собеседником по третьему диалогу³ («Критий», 108a), — сиракузский полководец, победитель афинян в 413 году до н. э., покинувший Сиракузы, когда этот

² Тимей, 20a. [Пер. С.С. Аверинцева по изданию: Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994. Далее все цитаты из данного диалога даются по этому изданию.]

³ [То есть в заключительном диалоге нереализованной трилогии Платона: «Тимей», «Критий» (не окончен), «Гермократ» (не существует).]

сицилийский город стал демократией. Критий, кузен Платона⁴, — самый известный из Тридцати тиранов, захвативших власть в Афинах через несколько лет после поражения афинян от сиракузян. Критий погиб в 403 году. Итак, получается, что этот диалог — беседа мертвецов, при жизни никогда между собой не встречавшихся. Платон всегда вольно обращается с историей как родного города, так и всей Греции, и этого вполне достаточно, чтобы перестать искать подходящую и правдоподобную дату беседы.

Большая часть интерпретаторов датирует написание «Тимея» и «Крития» приблизительно 355 годом, то есть эпохой после распада Второго Афинского морского союза. С этого момента Афины управляются «умеренными» политиками, самым известным из которых был Евбул; афиняне отказываются от морского империализма, обеспечивавшего славу этого города со времен греко-персидских войн. Как мы увидим, затрагиваемые темы в «Тимее» и «Критии» указывают на такую датировку.

Есть ли в нашем распоряжении полные тексты диалогов? Сомневаться можно только в отношении «Крития». Например, Пьер Бенуа в своем романе «Атлантида» указывает, что на горе Ахаггар⁵ хранится рукопись полного текста «Крития». Но разве сам Платон не хотел

⁴ [Родство сложнее: тиран Критий (ок. 460–403 до н. э.), обозначаемый цифрой IV на родословном древе Кодридов, — двоюродный дядя Платона (отец Крития Калесхр был братом Главкона, деда Платона по материнской линии). Но многие исследователи считают с точки зрения хронологии невероятным, что в диалоге «Тимей» участвует именно Критий IV, а не его дед, Критий III (ок. 520–429 до н. э.), дедом которого был Критий I (афинский архонт ок. 598 г. до н. э.), брат Дропида II, бывшего в родстве и дружбе с Солоном. Впрочем, в случае Платона никогда нельзя исключать элемент авторской игры. См.: *Nails D. The People of Plato. A prosopography of Plato and other Socratics. Indianapolis, 2002. P. 244. Ленская В. Афинский род Кодридов // Вестник Древней Истории. 2003. № 3. С. 123 сл.]*

⁵ [Гора на юге Алжира.]

оставить этот диалог без финала? Одна проницательная исследовательница заметила⁶, что еще в начале «Тимея» Платон намекает на то, что он будет незаконченным. Что на самом деле говорит Сократ? «Один, два три, — а где же четвертый из тех, что вчера были нашими гостями, любезный Тимей, а сегодня взялись нам устраивать трапезу?» И Тимей отвечает: «С ним приключилась, Сократ, какая-то хворь, уж по доброй воле он ни за что не отказался бы от нашей беседы»⁷.

Но что происходило накануне на этом философском пире, о котором вспоминает Сократ? Обычно считают, что Сократ в начале «Тимея» резюмирует учение «Государства». Это одновременно и правда, и неправда. Действительно, в пересказе есть всё: узкая военная специализация «стражей города», запрет золота и серебра, равенство мужчин и женщин, общность женщин и детей — всё, кроме темы управления города философами. Ключевое слово упоминается: «... по природе душа этих стражей должна быть пылкой, и в то же время по преимуществу философической (*philosophon*), чтобы они могли в надлежащую меру вести себя и кротко, и сурово...», но его присутствие замаскировано. Иначе говоря, философ ничем не отличается от воина. Диалог «Государство» начинается в Пирее во время Бендидий, празднества в честь иноземного божества, и продолжается на обратном пути в Афины. И наоборот, действие «Тимея» происходит во время истинно афинского праздника, Панафинейских игр, на которые есть только одно скрытое указание («Тимей», 26е). Посредством очень странной манипуляции Платон переносит нормативный анализ «Госу-

⁶ См.: *Lukinovich A. Un fragment platonicien: le Critias // Mélanges M. Nasta. Cluj, 2001.* Она делает следующее заключение: «Философская беседа, которая бесконечно возобновляется и продолжается, также постоянно сталкивается с собственной незавершенностью: речь в ней по необходимости фрагментарна».

⁷ Тимей, 17а.

дарства» в историю, и само это произведение отправлено в мир мифа: «Граждан и государство, что были тобою вчера нам представлены как в некоем мифе, мы перенесем в действительность (*epi talêthes*)» (26d).

С необычайной изощренностью Платон умножал то, что Ролан Барт называет «эффектами реальности». Конечно, Платон жонглировал фактами. Когда в самом конце «Государства» Сократ готовится описать потусторонний мир, он говорит: «Я передам тебе не *Алкиноево повествование*, а рассказ одного отважного человека, Эра, сына Армении, родом из Памфилии»⁸. Однако ни в одном диалоге не повторяются столь часто, как в «Тимее», заверения в том, что повествуемое не сказка⁹.

Конечно, этот диалог начинается с утверждения, что рассказ, в котором появляется Атлантида, — «одно сказание, слышанное в давние времена» («Тимей», 20d), но это сказание, «хоть и весьма странное, но безусловно правдивое» (20d). Этот рассказ основан на письменных египетских источниках (24а, 27b), но при этом Солон устно передает его Критию Старшему, последний — своему внуку-тезке, а тот уже повторяет его в первый раз для Тимея и Гермocrates, во второй — в присутствии Сократа, а в третий, более детально, в диалоге, который носит его имя. Рассказ превращен в объект припоминания (26а). Но одновременно с удостоверением правдивости рассказа Платон представляет нам фиктивного Солона: «Если бы Солон занимался поэзией не урывками, но всерьез, как другие, и если бы он довел до конца сказание, привезенное им

⁸ Государство, 614b. [Пер. А.Н. Егунова // Платон. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М., 1994. Далее все цитаты из данного диалога приводятся по этому изданию.]

⁹ Детальный анализ см.: *Brisson L. Platon, les mots et les mythes*. 2ème éd. Paris, 1995. Когда вышло первое издание (Maspero, 1985), Марсель Детьен посвятил этой книге небезынтересный критический обзор, но в нем ни разу не упоминается Геродот. См.: *Detienne M. La double écriture de la mythologie. Entre le Timée et le Critias // Métamorphoses du mythe en Grèce antique / C. Calame (éd.). Genève, 1988.*

сюда из Египта, а не был вынужден забросить его из-за смут и прочих бед, которые встретили его по возвращении на родину, я полагаю, что тогда ни Гесиод, ни Гомер, ни какой-либо иной поэт не мог бы превзойти его славой» (21cd). Разве можно лучше показать, что Солон, которого изображает Платон, — фиктивный персонаж, что Афины, которые описываются в сказании, и всё то, что рассказывается об Атлантиде, до того момента, как воды поглотили остров, захватив с собой и афинские земли, — это все поэтический вымысел? Поэма, которую Солон не написал, отредактирована Платоном, а рассказ Крития основывается на заметках, написанных по-гречески Солоном («Критий», 113b) и сохранных в семье Крития.

Итак, в сказании задействованы три персонажа. Есть Египет, вернее, египетские жрецы, которые у Платона, как и у Геродота, являются очевидцами глубокой древности истории человечества. Уже Геродот («История», II, 142) считал, что Египет пережил такое любопытное явление: солнце «четыре раза восходило не на своем обычном месте: именно, дважды восходило там, где оно теперь заходит, и дважды заходило там, где ныне восходит»¹⁰. Только страна на Ниле могла засвидетельствовать эти превращения. Египет Платона¹¹ — хранитель древности мира, но не без парадокса: Египет может засвидетельствовать, что Афины — древнее, чем он сам. Афины существовали за две тысячи лет до основания Саиса (23e).

Только египтяне могли свидетельствовать о том, что за девять тысяч лет до Солона столкнулись две могущественные державы, Афины и Атлантида. У Ат-

¹⁰ *Геродот. История: в 9 кн.* [Пер. Г.А. Стратоновского. М., 2001. Далее все цитаты приводятся по этому изданию.]

¹¹ По теме «Египет у Платона» см.: *Brisson L. Lectures de Platon. Vrin, 2000. P. 151–167*, а по Атлантиде — исследование, может быть, чересчур «реалистическое»: *Griffiths J.G. Atlantis and Egypt // Historia. 1985. Vol. 34.*

лантиды были наемные воины, морское могущество и имперские амбиции. У Афин же было превосходство ее управления и мужество двадцати тысяч гоплитов. По «поразительной случайности» то, что египетские жрецы рассказали Солону, странным образом напоминает «Государство» по Сократу и Платону («Тимей», 25е; «Критий», 110с сл.). «Сословие воинов божественные мужи с самого начала обособили, и оно обитало отдельно. Его члены получали все нужное им для прожития и воспитания» («Критий», 110с). Афины тогда были огромным Акрополем, описанным до мелочей в «Критии»¹² и простирающимся от Коринфского залива до Оропоса. Афины занимают место в пространстве, что совершенно не соответствует идеальному городу, представленному в «Государстве». Наоборот, они — нечто переходное на пути к городу магнетов, выходцев из Фессалии, который Платон выстроил в своей последней книге, «Законы»¹³.

Этот город един, насколько только это возможно; континентален, насколько этого можно желать; у него нет портов, как и, естественно, флота. Он — полная противоположность тем Афинам, которые знал Платон и которые тогда представляли собой «лишь скелет истощенного недугом тела» («Критий», 111b). В центре

¹² Чтобы сопоставить Афины и Атлантиду, я использовал, помимо собственных работ, труды таких исследователей, как Л. Бриссон, Ж.-Ф. Прадо, К. Джилл, о которых уже говорилось в предисловии, а также статьи: *Naddaf G.* The Atlantis Myth. An introduction to Plato's later philosophy of history // *Phoenix*. 1994. Vol. 48. No. 3; *Desclos M.-L.* Atlantide: une île comme un corps. Histoire d'une transgression // *Impressions d'îles / F. Létoublon (éd.)*. Toulouse: P. U. du Mirail, 1996; *Clay D.* Plato's Atlantis: the Anatomy of a Fiction // *Proceedings of the Boston Area Collegium in ancient Philosophy*. 1999. Vol. 15. Однако практически нечего было взять из маленькой книги Нессельрата, который довольствовался тем, что ломился в широко открытые двери: *Nesselrath H.* Platon und die Erfindung von Atlantis. München, 2002.

¹³ См. исследование Аниссы Кастель-Бушуши в: *Atlantides imaginaires*, 2004.

Акрополя, вокруг святилища двух богов-основателей, Афины и Гефеста, которые воплощают любовь к *technê* и любовь к мудрости, то есть, иначе говоря, к философии (109с), расположены общие жилища и казармы стражей. Ремесленники и крестьяне проживают в окрестностях. Имеется одна-единственная ограда (112b). Единственное число помимо единицы — это число воинов, мужчин и женщин, которое постоянно поддерживается на уровне «около двадцати тысяч». Имеется единственный источник воды, но он неиссякаем (112d). Они старели там, передавая свое пространство и свои установления «подобным себе преемникам» (112с). Оттуда они правили, «стражи для своих сограждан и вожди всех прочих эллинов по доброй воле последних» (112de). Будет ли преувеличением сказать, что эти древние Афины, далекие, насколько это возможно, от тех, которые иронически восхваляются в «Менексене», — это выражение политики *Тождественности* (Одинаковости, *Même*), и этим легко объясняется присутствие «Крития» на полях космологии «Тимея»¹⁴. Древние Афины — вне истории, насколько это возможно для города.

Атлантида, напротив, — мир истории, какой, судя по всему, ее понимал Платон, то есть мир чистой *Инаковости* (или «Неподобного», *Alterité*). Его описание вчерне набросано в «Тимее» и с некоторым вниманием к деталям дано в «Критии». Я говорю «мир истории», отдавая себе отчет в том, что это преувеличение. Ведь вся история для Платона соткана из лжи. История Атлантиды, то есть история *Инаковости*, разворачивается без каких-либо помех. Вот какой мы видим Атлантиду в «Тимее»: «...этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые» (24е), у Геркулесовых столбов (Гибралтарского пролива), в

¹⁴ См.: *Brisson L. Le Même et l'Autre dans la structure ontologique du 'Timée' de Platon. Paris, 1974.* Сам Люк Бриссон, правда, весьма неуверен в правомерности приложения этих категорий к мифам в «Тимее» и «Критии».

«реальном» море, а не в «лягушачьем болоте» из «Федона», под которым понимается Средиземное море, — словом, Атлантиду на самом пике своих имперских устремлений. Владычица Ливии и Северной Италии, она замышляет захват Египта, Греции и остальной средиземноморской ойкумены. Афины в одиночку, как при Марафоне, отражают нашествие атлантов и освобождают народы, обращенные в рабство. В ходе этого псевдоисторического рассказа возникает одна проблема с хронологией, которая могла быть введена только намеренно. Афины старше на 1000 лет, чем Саис, египетский город, основанный богиней по имени Нейт, что является египетским именем богини Афины («Тимей», 23de). Как же тогда египетские иероглифы могли сохранить рассказ об основании древних Афин? Мы определенно находимся в мире мифа.

Итак, в самом начале мы видим этот гигантский остров, которым правит Посейдон, бог моря и сотрясатель земли, а Афинами в это время правят Афина и Гефест. Спор между Афиной и Посейдоном — это классический *топос* афинской мифологии, представленный на западном фронте Парфенона. Но совсем не так обстоят дела в «Критии». Раздел совершается «без споров» (109b). Было бы непристойностью вообразить себе такой спор между богами, которые у Платона могут быть только благами.

У истоков атлантической авантюры оказывается только вождение (*epithumia*) Посейдона к девушке Клито, чье имя связано со «славой» (*kleos*). Клито — единственная дочь местных жителей, «уроженцев земли», какими себя представляют афиняне. Родителей Клито зовут Эвенор и Левкиппа. Если Эвенор по этимологии — «храбрый муж», то имя Левкиппы обозначает «белую лошадь», которая в мифической упряжке Федры символизирует благородную страсть *thumos*, тогда как *epithumia* представлена черной лошадью. Итак, в самом начале мы встречаем смешение божественного и человеческого. А ведь именно растущее преоблада-

ние человеческого элемента над божественным в конце «Крития» и приводит к упадку Атлантиду и атлантов, коих «наполнила несправедная алчность и бесчинство», и к решению Зевса разрушить Атлантиду.

Между началом и концом Атлантиды — долгая история, целиком сфабрикованная Платоном и, в отличие от истории древних Афин, полная цифр¹⁵.

В архаических Афинах были отдельные люди, легендарные короли, которые словно случайно оказались замешаны в мифах, относящихся к Посейдону. Так, Эрехтей убил трех сыновей морского бога¹⁶. Платон о таком ничего не говорит, но можно предположить, что его читатели об этом знали. Вернемся к любви Посейдона и Клито. Она, сирота, уже достигшая брачного возраста, проживала на холме в центре огромного острова. Посейдон обратил этот остров в крепость, «холм... он укрепляет, по окружности отделяя его от острова и огораживая попеременно водными и земляными кольцами (земляных было два, а водных — три) всё большего диаметра, проведенными словно циркулем из середины острова и на равном расстоянии друг от друга. Это ограждение было для людей непреодолимым, ибо судов и судоходства тогда еще не существовало» («Критий», 113de). Тут уже вмешивается дуальность. Один источник в Афинах, два источника в Атлантиде, «один теплый, другой холодный». Мы — в мире противоположностей. Клито принесла Посейдону пять пар мальчиков-близнецов, которых бог воспитал. В каждой паре был старший и младший, и самый старший звался Атлантом, откуда имя острова и моря: Атлантический океан. Атлант в более традици-

¹⁵ См.: *Brambaugh R. Plato's Mathematical Imagination.* Bloomington, 1954. P. 47–53. Можно спорить по поводу символического истолкования тех или иных чисел, но не по поводу их бросающегося в глаза обилия.

¹⁶ См. примечание А. Риво к французскому изданию «Тимея» и «Крития»: *Platon. Timée, Critias / Texte établi et traduit par A. Rivaud.* Paris, 1925. P. 236.

онной мифологии был сыном титана Иапета и поддерживал землю. Платон сделал из него совершенно иного персонажа. Не нужно быть большим специалистом по системе неписаного учения Платона, чтобы понять, что здесь мы имеем дело с тем, что Аристотель называл «безграничной диадой большого и малого», следы которой мы застаем в «Пармениде» и «Филебе»¹⁷. По словам Альбера Риво, «без сомнения, можно удивляться полному отсутствию женщин в царских родах. Никакие позднейшие истолкования не объяснят нам этого примечательного упущения»¹⁸.

Богатство острова — сказочное. Тут *phusis* (природа) проявляется во всех своих безграничных возможностях: богатство земли, богатство недр, золото и знаменитый орихалк, домашние животные и дикие звери, включая слона, «который очень велик и очень прожорлив», фрукты, включая, может быть, цитрусовые. «Все это тогда под воздействием солнца остров порождал прекрасным, изумительным и изобильным» («Критий», 115ab). Мы — в царстве *apeiron*, безграничности.

Это изобилие объясняет, почему Атлантида, по сути своей негативная утопия, на протяжении веков трактуется как позитивная, своего рода рай на земле. Никто не растолковал это лучше Жан-Франсуа Маттеи: «Многовековая очарованность мифом об Атлантиде, вероятно, имеет отношение к его зеркальной структуре, которая через обилие своих образов показывает непреодолимую границу мифа и конечное молчание слова. В этом смысле зеркало Атлантиды сразу пред-

¹⁷ См. очень удачно изложенные выводы: *Richard M.-D. L'Enseignement oral du Platon / Préf. P. Hadot. Paris, 1986.* К таким же выводам пришли Леон Робен (Leon Robin) во Франции, Конрад Гайзер (Konrad Gaiser) и Ханс Йоахим Кремер (Hans-Joachim Krämer) в Тюбингене (Германия).

¹⁸ *Rivaud A. Op. cit. P. 237.* По поводу имен царей атлантов, см. примечание Л. Бриссона на с. 386 его перевода. Что касается женщин, то в «Критии» (116e) упоминаются статуи ста Нереид, водяных богинь на акрополе Атлантиды, и жен царей.

стает как зеркало смерти, в котором будут отражаться все фантазмы позднейших утопий»¹⁹.

И действительно, нет никаких сомнений, что тут работает *Инаковость*. Труды, которым посвятили себя десять царских династий, потомки пяти пар близнецов Посейдона и Клито, связали центральный остров и внешнее море. Цари строили одновременно каналы и мосты, разрушившие первоначальную изолированность острова Клито. «Они собирались то на пятый, то на шестой год, попеременно отмеривая то четное, то нечетное число» (119d), а согласно пифагорейской традиции, которой здесь следует Платон, нечетное число — это хорошая сторона, а четная — плохая. Они привнесли в искусство прогресс, или, по крайней мере, развитие: «Дворец они с самого начала выстроили там, где стояло обиталище бога и их предков, и затем, принимая его в наследство, один за другим все более его украшали, всякий раз силясь превзойти предшественника, пока, в конце концов, не создали поразительное по величине и красоте сооружение» (115cd). Было пять колец-ограждений, которые соответствовали пяти парам близнецов (113e–114d). Каналы были проведены так, чтобы все соединить. Тройной порт «был густо застроен, а проток и самая большая гавань были переполнены кораблями, на которых отовсюду прибывали купцы, и притом в таком множестве, что днем и ночью слышались говор, шум и стук» (117e)²⁰. Это — противоположность суровому военному акрополю вымышленных «Древних Афин».

Тут возникает вопрос: а какова природа платоновского рассказа? Идет ли речь об истории? Видеть

¹⁹ Mattei J.-Fr. Platon et le miroir du mythe: De l'âge d'or à l'Atlantide. Paris, 2002. P. 252–253.

²⁰ Технический разбор описания портов Атлантиды, явно вдохновленного Пиреем и некоторыми другими военными портами, см.: Salviat F. Les ports de l'Atlantide dans le 'Critias' de Platon // Mélanges Bernard Liou / M. Mergoïl (éd.). Montagnac, 2002.

историю в рассказе Платона столь же разумно, как принимать на веру рассказ Лукиана о путешествии на Луну под тем предлогом, что он входит в «Правдивую историю». Тем более что сам Лукиан принял меры предосторожности и обеспечил себя особой оговоркой: «Каждый из рассказов содержит тонкий намек на одного из древних поэтов, историков и философов, написавших много необычайного и неправдоподобного. Я мог бы назвать их по имени, если бы ты при чтении сам не догадался, кого я имею в виду»²¹.

У Лукиана имелась льгота, которой не было у Платона. Но это не повод, чтобы отбросить все попытки расшифровать его намерение и его намеки. Я не думаю, что здесь речь идет о некоей «философии истории» в полном смысле слова²². Скорее перед нами подражание, пародия на историю, как указывал Кристофер Джил²³. Точно так же, как в «Менексене» Платон вложил в уста Аспазии подражание надгробной речи, которую, по словам Фукидида, произнес Перикл после первого года войны и которую Николь Лоро так блистательно включила в серию подобных ей в своем «Изобретении Афин»²⁴ (а это доказывает, что Платон внимательно читал Фукидида), — так же он хотел пародировать и критиковать Геродота, как я предположил в 1964 году. Особенно я сравнивал «великие и удивления достойные деяния» афинян по «Тимею» (20e) с «великими и удивления достойными деяниями» как варваров, так и греков, о которых говорится в первой фразе «Истории» Геродота. С тех пор некоторые авторы разобрали это более детально, особенно

²¹ Пер. К. Тревер. См.: *Лукиан из Самосаты. Избранная проза.* М., 1991. С. 514.

²² Здесь я возражаю Ж. Наддафу, который в своей статье (см. выше) упрекал меня в подчеркивании игрового аспекта платоновского рассказа.

²³ *Gill Ch. The Atlantis Story.* P. XX–XXI.

²⁴ *Loroux N. Invention d'Athènes: histoire de l'oraison funèbre dans la 'cité classique'.* Paris, 1981.

Жан-Франсуа Прадо, который, тщательно проанализировав «геродотовскую лексику “Крития”», доказал, что в «Критии» использовался отсутствующий в других произведениях Платона словарь, который он заимствовал у Геродота²⁵.

Эти работы подтверждают и мою основную гипотезу: рассказ о войне Афин с Атлантидой — это рассказ о противоборстве тех Афин, какими Платон хотел их видеть, так называемых древних Афин, с Афинами империалистическими, которыми они, опираясь на военный флот, стали после греко-персидских войн. Здесь фигурирует и Акрополь, и храм Посейдона, и порт, похожий на Пирей, — намеков тут множество. Не приводя все доказательства досконально, просто укажем, что страна была разделена на десять частей (116с) и что орихалк «по ценности своей уступал тогда только золоту» (114е). Так в Атлантиду попали десять афинских фил, созданных Клисфеном, и «источник серебра», находящийся в Лаврионе.

Однако на более глубоком уровне возникает вопрос: зачем Платону потребовалось рядиться в одежды Геродота? Зачем рассказывать о войне Афин с Атлантидой так, будто речь шла о греко-персидских войнах? Сам по себе этот факт бесспорен. Гигантизм армии и флота атлантов (118е–119е) вызывает в памяти схожий гигантизм армии Ксеркса. Одна только казна атлантов занимала десять тысяч повозок и двести сосудов. Но рассказ о греко-персидских войнах развивается в противоположном направлении. Здесь Платеям предшествовал, если так можно выразиться, Марафон. Афинское государство «сначала встало во главе эллинов, но из-за измены союзников оказалось предоставленным самому себе, в одиночестве встретилось с крайними опасностями и все же одолело завоевателей и воздвигло победные трофеи. Тех, кто еще не был поработан, оно спасло от угрозы рабства; всех же остальных, сколько ни обитало

²⁵ Pradeau J.-Fr. *Le Monde de la Politique*. Paris, 1997. P. 154–179.

П. Видаль-Наке. Атлантида: краткая история мифа нас [это говорит египтянин] по эту сторону Геракловых [Геркулесовых] столбов, оно великодушно сделало свободными» («Тимей», 25bc).

Платон не говорит, и, видимо, это вообще сложно объяснить — каким образом афинские гоплиты смогли победить флот атлантов. Но посмертная судьба, если так можно выразиться, двух армий не оставляет никаких сомнений в фундаментальном противостоянии земли и воды, которое пронизывает всё платоновское повествование. За афино-атлантской войной следуют «невиданные землетрясения и наводнения. За одни ужасные сутки вся наша воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину» («Тимей», 25cd). Что касается деталей, Жозеф Биде некогда показал²⁶, что «экзотические» черты в описании Атлантиды были позаимствованы у Геродота, из его воспоминаний о великих городах Востока: Вавилоне, Сузах и Экбатане. Вот Геродот описывает западную часть того, что мы сейчас называем Магрибом: «...в десяти днях пути от гарамантов, находится другой соляной холм с источником. Около него также живет племя под названием атаранты — единственные, насколько я знаю, безымянные люди. Все они в совокупности носят имя атарантов, отдельные же люди — безымянны. Они проклинают беспощадно палящее солнце и осыпают его бранью за то, что солнечный зной губит людей и их землю. Далее еще через десять дней пути [приходим] опять к соляному холму с источником, вокруг которого также обитают люди. К этому-то соляному холму примыкает гора под названием Атлас. Гора эта узкая и круглая и, как говорят, так высока, что вершин ее не видно. Зимой и летом она постоянно покрыта облаками. Местные жители называют ее столпом неба, и от имени этой-то горы они и получили свое название. И действительно, их зовут атлантами. Рассказывают, будто они не едят никаких

²⁶ Bidez J. *Éos ou Platon et l'Orient*. Bruxelles, 1945.

живых существ и не видят снов»²⁷ (IV, 184). Ясно, что можно по-разному трактовать подобный текст, описание местности в котором продолжается до «Геркулесовых столбов» и даже дальше. Можно его считать просто частью нашего знания о гористой области Магриба, которая и сегодня называется Атлас. Можно увидеть в нем один из источников платоновского текста. Разница бросается в глаза: конечно, атланты Геродота обитают за Геркулесовыми столбами, но на африканском континенте, а не в море. Но между этой идеально «круглой» горой и кольцом ограда, сотворенной Посейдоном, как будто она была «гончарным кругом», существует, мне кажется, очевидное сходство.

Почему же до самого недавнего времени это сходство так редко замечали? Возможно, потому, что существует слишком сильное разделение, особенно во Франции, между исследованиями по истории и по философии. Порой сложно возникнуть даже самой мысли о том, что какой-то философ может быть интересен для истории, а историк — для философии. Это не означает отказа от разделения дисциплин и

²⁷ Эти страницы, безусловно, послужили источником знаменитой поэмы XVIII века, которую написал Лафранк де Помпийн (Lafranc de Pompignan):

*Le Nil a vu sur ses rivages
De noirs habitants du désert
Insulter par leurs cris sauvages
L'astre éclatant de l'Univers.
Cris impuissants, fureurs bizarres,
Tandis que ces monstres barbares
Poussaient d'insolentes clameurs,
Le Dieu continuant sa carrière
Versait des torrents de lumière
Sur ses obscurs blasphémateurs.*

«Нил увидел на своих берегах / Черных обитателей пустыни, / Оскорблявших дикими криками / Яркое светило Мироздания. / Бессильные крики, странные кошмары... / Пока эти варварские чудовища / Издавали свои оскорбительные вопли, / Бог, продолжая свой ход, / Низвергал потоки света / На неведомых богохульников».

Я надеюсь, эту долгую цитату простят автору, пережившему летнюю жару 2003 года.

от иерархии источников. Стоит ли по-прежнему и сегодня толковать о «молчании Геродота и Фукидида об Атлантиде»²⁸, если уже несколько столетий как известно, что этот континент был выдуман Платоном? Ясно, что рассуждать на эту тему, как будто Платон не читал ни Геродота, ни Фукидида, — просто нелепо. Он их, бесспорно, читал, но пропустил через свою мельницу идей, которые не были особенно благосклонны к позитивной истории, к созданию которой приложили руку Геродот и Фукидид²⁹.

Платон спокойно мог исключить Саламин из истории греко-персидских войн³⁰, что было немислимо для Геродота и Фукидида. Не то, чтобы их история была совершенно лишена идеологического измерения, но существовала определенная черта, которую они не могли переступить. Фукидид сделал из «археологии» историческую теорию морского империализма. Он не мог говорить об Атлантиде потому, что в его время она еще не была изобретена или задумана.

Именно произведения Платона должны остаться нашим единственным главным источником. Можно ли найти в сочинениях философа другие пары противопоставлений, параллельные той, которую образуют «древние» Афины и Атлантида? Ответ будет положительным, но существуют нюансы, которые каждый сможет оценить сам.

В конце VII книги «Государства» Сократ, представив свою теорию философа у власти, напоминает, при каких условиях такой город-государство может возникнуть в реальности. Во-первых, надо «изгнать в деревню» тех, которые находились в городе более десяти лет (VII, 540e–541a), а дети в возрасте менее десяти лет должны

²⁸ См. об этом *Fears J. Rufus* в сборнике: *Atlantis: Fact or Fiction?* / E. Ramage (ed.). Bloomington, 1978. P. 106–108. Скандально уже само название сборника.

²⁹ Здесь мы сталкиваемся с проблематикой, затронутой в знаменитой статье: *Loraux N. Thucydide n'est pas un collègue* // *Quaderni di storia*, 12 (1980).

³⁰ Законы, III, 699ac.

остаться, но жить по большей части в разлуке с родителями. После чего в VIII и IX книгах Платон выдвигает теорию четырех политических режимов, которые уступают образцовому городу: режим спартанского типа (или тимократия), олигархический режим, основанный на владении золотом и серебром, демократический режим и тираническое общественное устройство, если его можно так назвать, которое, однако, является достаточным условием для того, чтобы тиран смог превратиться в философа, что Платон и пытался проделать с двумя Дионисиями Сиракузскими.

Платон систематически исследует, как каждый режим возникает, исходя из предыдущего, и как из детей предыдущего становятся взрослые нынешнего. Эти страницы знамениты и достойны восхищения. Я процитирую только тот фрагмент, в котором обсуждается переход от олигархии к демократии: «Вот каково состояние и правящих и подвластных. Между тем им приходится иметь дело друг с другом и в путешествиях, и при любых других видах общения: на праздничных зрелищах, в военных походах, на одном и том же корабле, в одном и том же войске; наконец, и посреди опасностей они наблюдают друг друга, и ни в одном из этих обстоятельств бедняки не оказываются презренными в глазах богатых. Наоборот, нередко бывает, что человек неимущий, худой, опаленный солнцем, оказавшись во время боя рядом с богачом, выросшим в тенистой прохладе и нагулявшим себе за чужой счет жирок, видит, как тот задыхается и совсем растерялся. Разве, по-твоему, этому бедняку не придет на мысль, что подобного рода люди богаты лишь благодаря малодушью бедняков, и разве при встрече без посторонних глаз с таким же бедняком не скажет он ему: “Господато наши — никчемные люди”?» (VIII, 556се). Еще немного, и Платон заставит их произнести: «А мы — не никчемные, кто был никем, тот станет всем!».

Однако не стоит питать иллюзий. Эти страницы — не страницы истории. Бесполезно упрекать Плато-

на в незнании того, что архаическая тирания часто предшествовала, а не следовала за демократией. Он это знал не хуже нас, хотя бы на примере Афин, где Клисфен создал «изономию», пролог к демократии, после падения Писистратидов — притом, что и в его собственную эпоху существовали примеры обратного движения. Его слова имеют отношение не к истории, а к политической науке, если позволительно использовать это выражение. Но как Платон представлял себе переход от образцового города к городу лакедемонского типа, учитывая, что образцовый город никогда не существовал, даже в тех первобытных Афинах «Тимея» и «Крития», которые еще не были изобретены, когда Платон писал свое «Государство»?

На самом деле сам Платон, когда он говорит о вторжении *stasis*, раздора, в недра *своего* города, пародирует Гомера: «Что же именно может, Главкон, пошатнуть наше государство и о чем могут там спорить между собой попечители и правители? Или хочешь, мы с тобой, как Гомер, обратимся с мольбой к Музам, чтобы они нам поведали, “как впервые вторгся раздор”, и вообразим, что они станут отвечать нам высокопарно, на трагический лад и как будто всерьез, на самом же деле это будет с их стороны лишь шутка, и они будут поддразнивать нас, как детей» (VIII, 545de). Как еще лучше сказать, что знаменитое «брачное число» (*nombre nuptial*), которое было научно расшифровано А. Диесом³¹, — элегантная и остроумная математическая шутка?

По отношению к паре Афины—Атлантида упомянутая пара «идеальный город — выродившиеся города» одновременно и близка и далека. Близка потому, что речь идет о легитимном городе и о городах, которые очищаются катастрофой, и далека, потому что Платон в «Критии» гораздо более ёмок, чем в «Государстве». По меньшей мере, можно сказать, что политический режим Атлантиды определить сложно, это что-то вро-

³¹ Diès A. Le Nombre de Platon. Essai d'exégèse et d'histoire. Paris, 1936.

де десятиглавой монархии, управляемой при помощи таинственной клятвы.

Мой второй пример взят из текста, столь же прославленного, сколь и сложного — текста мифа из «Политика» (268d–274e). Я исследовал его в 1975 году³² и обсуждал с Люком Бриссоном. В конечном итоге он лучше всех понял этот текст.

О чем там речь? Есть две пары противоположностей. С одной стороны — век Кроноса, он же золотой век, цикл, во время которого все люди, равно как и животные находятся под непосредственным управлением отца Зевса. В золотом веке люди рождаются из земли старыми, и молодеют до тех пор, пока не умирают. С другой стороны — век Зевса, который является нашей эпохой и в котором, в отличие от того, что происходило при Кроносе (когда люди были, по словам Валери, «тварями белыми и блаженными», не знающими ни городов ни философии), люди при помощи даров богов (Прометея, Гефеста, Афины) смогли жить в городах и заниматься философией.

Я, как и огромное число толкователей, так и не смог понять, почему оппозиция век Кроноса *versus* век Зевса не совпадает с оппозицией мира, предоставленно-

³² Анализ был продолжен в моей книге *Le Chasseur noir*. Paris, 1981 [Русское издание: *Видадь-Накэ П. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире* / пер. под ред. С. Карпюка; вступ. ст. Г. Бонгарда-Левина, предисл. Ю. Литвиненко. М.: Ладомир, 2001] и в статье: *Le mythe platonicien du Politique, les ambiguïtés de l'âge d'or et de l'histoire* // *Langue, Discours, Société, pour Émile Benveniste* / J. Kristeva, J.-C. Milner, N. Ruwet (éds). Paris, 1975. Этот текст стал предметом жаркой дискуссии с Л. Бриссоном, а также на моих семинарах и на защитах диссертаций. Недавний критический анализ Бриссона, проведенный им в книге: *Lectures platoniciennes*. P. 164–205, — где представлен ранее неизданный перевод, убедил меня в том, что я ошибался. В свое оправдание могу сказать, что оказалось, что Платон еще более изощренный автор, чем я представлял себе раньше. Комментарий в издании: *Castoriadis C. Sur Le Politique de Platon*. Paris, 1999 — ни в чем не отстает от традиционного толкования в вопросе о мифе.

го самому себе и развивающегося в «беспредельную пучину неподобного» (273e), и мира, управляемого богами. С одной стороны, есть два *цикла*, которым подчиняется космос, а между ними космические катастрофы, подобные тем, что описаны в «Тимее», но при этом существуют три *эпохи* — правления Кроноса (271c–272d); мира, предоставленного самому себе и развивающегося в чистую Инаковость (270c–271c), как это происходило в Атлантиде; и, наконец, мира, в котором власть принадлежит Зевсу (273e–274d).

Следует признаться, что этот текст Платона — вершина его извращенного воображения. Сходства и различия бросаются в глаза. Есть периодические катастрофы, которые сопровождают изменение цикла и очищают землю от большей части человечества. Но Афины, город Одинаковости, и Атлантида, империя, где развивается Инаковость, совпадают по времени и исчезают в ходе одной и той же катастрофы. Конечно, Платон прекрасно знал, что он фантазирует, и в «Политике», и в «Тимее» и «Критии». Есть два уровня мифа, и хотя в «Тимее» это — «правдоподобный миф» (29d), потому что мир будущего не является объектом научного изучения, из этого вовсе не следует, что «Тимей» — сплошной «розыгрыш», как некогда учил нас Жан Бофре (Jean Beaufret). Напротив, я убежден, что юмор, и даже розыгрыш присутствует и в прологе к «Тимею», и в «Критии», и в мифе «Политика».

Определенно, именно в «Законах» мы должны искать объяснения одной особой детали мифа об Атлантиде. Почему Платон соединял в своем описании огромного острова и его политических институтов черты одновременно восточные, связанные с традициями рассказа о Персидской империи, особенно у Геродота, и черты афинские, что превращало войну между Афинами и Атлантидой и в «греко-персидскую» войну, и в гражданскую. Именно в III и IV книгах «Законов» Платон по-своему пытается разобраться с реальной историей. Среди политических режимов есть два, которые «как

два материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать, по праву родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них и на демократию как на второй. Монархия достигла высшего развития (*akron*) у персов, демократия — у нас [в Афинах]. Почти все остальные виды государственного устройства, как я сказал, представляют собой пестрые соединения этих двух» (683e).

Далее Платон объясняет, что Афины и Персия некогда достигли почти «одинаковой меры», но с тех пор отдалились. Для персов это было время Кира, и Платон едва не воспроизводит хвалу, которую в «Киропедии» пропел Ксенофонт этому царю-основателю; но, будучи хорошим воином, Кир «воспитание своих детей поручил женщинам» (694d), результаты чего любой может себе представить. Последователи Кира были «развращены негой и безнаказанностью» (695b). Дарий восстановил монархию, но Ксеркс «вырос в тех же условиях, что и Камбис» (695e). Афины же иллюстрируют собой опасности «абсолютной свободы перед лицом власти». Во времена греко-персидских войн опасность способствовала сплочению и послушанию магистратам перед лицом «величины персидского войска и флота» (695bc). Саламин указывается как хронологическая веха. Марафон предшествует ему на 10 лет (698c). Когда афиняне узнают о подготовительных действиях Ксеркса, они не видят иного выхода, как повторить подвиг при Марафоне. Фемистокл и флот вообще не упоминаются. Афиняне опирались не на свои корабли, а «на свою надежду» (699b). И, как будто это и так не было ясным, Платон уточняет в IV книге (707bc), что если Марафон и Платея принесли грекам свободу, то Артемизий и Саламин принесли им расслабленность.

Именно здесь — корень полемики, которая длилась с V века до н. э. и будет еще продолжаться³³. Война

³³ См. в «Черном охотнике» главу «Дельфийская загадка, или О Марафонском постаменте».

на море приучила гоплитов к изнеженности (707ae). В этих условиях становится понятно, почему древние Афины содержали 20 тысяч гоплитов, но не заводили флота против Атлантиды, у которой он был огромен.

Еще два слова перед тем, как перейти от Платона к его последователям. Для нас, современных людей, Платон своим рассказом об Атлантиде и ее войне против Афин избрал до сих пор процветающий жанр литературы, а именно научную фантастику. Из всех мифов, которые он создал, был воспринят практически только этот один. Никто не думает идти по следу Эра, сына Армениоса, и хотя у нас в Париже есть «Елисейские поля», мы знаем, что там обитают вовсе не мертвецы.

Однако существует еще один вид искусства, существование которого постулировал Платон, но чья технология была еще не очень-то развитой: кинематограф. Хорошо известно, что пещера из VII книги «Государства» устроена как кинозал³⁴, только зрители там привязаны к своим местам. Но и в «Тимее» главный принцип — кинематографический. Вот что Сократ говорит, изложив свои выводы в «Государстве»: «Мне было бы приятно послушать описание того, как это государство ведет себя в борьбе с другими государствами, как оно достойным его образом вступает в войну». А перед этой просьбой он выражает свое разочарование: «Послушайте, какое чувство вызывает у меня наш набросок государственного устройства. Это чувство похоже на то, что испытываешь, увидев каких-нибудь благородных, красивых зверей, изображенных на картине, а то и живых, но неподвижных: непременно захочется поглядеть, каковы они в движении и как они при борьбе выявляют те силы, о которых позволяет догадываться склад их тел. В точности то же самое испытываю я относительно изображенного нами государства» («Тимей», 19bc).

³⁴ Жак Бруншви́г написал на эту тему очень ясную статью: *Brunschwig J. Revising Plato's Cave // Proceedings of the Boston Area Colloquium in Ancient Philosophy. Vol. XIX. 2003 / J. Cleary, G. Gurtler (eds). Leiden, 2004.*

Научное издание

Серия «Исследования культуры»

ПЬЕР ВИДАЛЬ-НАКЕ

АТЛАНТИДА:
КРАТКАЯ ИСТОРИЯ
ПЛАТОНОВСКОГО МИФА

Главный редактор

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией

ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Художник

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Редактор

ЕЛЕНА ЛАКИРЕВА

Верстка

ОЛЬГА ИВАНОВА

Корректор

ЕЛЕНА ТАРУСИНА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 06.12.2011. Формат 84×108/32

Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 10,9. Уч.-изд. л. 9,6

Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Изд. № 1287. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Можайский
полиграфический комбинат»

143200, Можайск, ул. Мира, 93

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

www.aoomprk.ru